

БЫЛОЕ.

(Очерки изъ кавказской жизни.)

Оказія. — Чирь-Юртъ. — Зачѣмъ поступилъ я въ драгуны. — Новое знакомство. — Патринъ. — Филоновъ. — Отношенія ихъ между собою. — Бачевскій. — Командиръ полка. — Жизнь въ Чирь-Юртѣ. — Дежурство. — Тревоги. — Полковая пѣсня. — Вахмистръ. — Исторія съ очками. — Покупка дома. — Мой соквартирантъ. — Парти. — Ваятѣ аула Кутеши. — Подполковникъ. — Стихи Филонова. — Театръ. — Репетиціи. — Первое представленіе. — Комедія въ стихахъ Патрина. — Второе представленіе. — Забывчивый актеръ. — Циръ. — Печальное пробужденіе. — Гауптвахта. — Сюрпризъ. — Ночной разъѣздъ. — Мой плѣнникъ. — Заключение.

Въ одинъ изъ жаркихъ августовскихъ дней 1846 года, берега быстрого Сулака, близъ урочища Чирь-Юрта, въ Сѣверномъ Дагестанѣ, были оживлены множествомъ драгунъ съ одной стороны, и самую разнородною толпою пѣхотинцевъ, артиллеристовъ, мирныхъ горцевъ, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, «черкесовъ», мужиковъ и бабъ—съ другой.

Шла *оказія* изъ Внезапной въ Чирь-Юртъ, первая съ водворенія на Сулакѣ драгунскаго полка.

Въ послѣднее время Кавказъ перестаетъ быть terra incognita для русскихъ читателей, благодаря стихамъ, романамъ, повѣстямъ и путешествіямъ, виѣющимъ предметомъ описаніе этой чудной страны. Потому смѣю надѣяться, что слово *оказія*, въ смыслѣ кавказскомъ, не потребуетъ особыхъ объясненій, и ограничусь замѣчаніемъ, что, по милости конвоирующихъ *оказію* войскъ, путешествіе по Кавказу, въ отношеніи безопасности, почти то же самое, что и путешествіе по столбовымъ дорогамъ всего русскаго царства.

Драгунскій полкъ, вслѣдствіе разныхъ стратегическихъ и другихъ соображеній, переселенъ былъ изъ Грузіи въ Дагестанъ. По приходѣ на берега Сулака, драгуны заняли квадратный кусокъ степи, разбили палатки и ждали только прибытія первой оказіи, чтобы, запасшись необходимыми орудіями и разною утварью, приступить къ устройству болѣе удобныхъ и прочныхъ помѣщеній. Семейные же солдаты ожидали женъ и дѣтей, оставшихся навремя во Внезапной. Оказія, слѣдовательно, была встрѣчена всѣми съ особеннымъ увлеченіемъ, и, черезъ пять минутъ по прибытіи, маркитанты (по кавказски, духанщики) растянули на кольяхъ парусинные лоскутья, нѣчто въ родѣ навѣса, сложили съ аробъ (*) бочки со спиртомъ и чихиремъ — и пошла потѣха!

Какой-то нѣмецъ состроилъ себѣ наскоро изъ камней родъ очага, разложилъ огонь, досталъ изъ горшка тѣсто и принялся печь пироги на желѣзномъ листѣ, едва успѣвая удовлетворять многочисленныхъ покупателей.... Что за предприимчивый народъ нѣмцы!... Этотъ самый пирожникъ, накинувъ на плечи мѣшокъ съ мукой, съ желѣзнымъ листомъ въ рукахъ, сдѣлалъ съ нами впослѣдствіи нѣсколько походовъ пѣшкомъ и, отправляясь, послѣ ахтинской экспедиціи, на родину, признался, что увозить съ собой кругленькій капиталецъ, который онъ скопилъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Вотъ они, пирожки-то!

Все было оживлено, все веселилось. Одно только лицо не принимало участія въ общей радости. Сидя на крутомъ обрывѣ Сулака, свѣсивъ ноги, молодой юнкеръ, въ шинели Кабардинскаго полка, съ чемоданчикомъ на спинѣ, вглядывался съ тревожнымъ любопытствомъ въ стройные ряды палатокъ, бѣлѣвшіеся на высококомъ берегу. Молодой юнкеръ, задумчиво сидѣвшій на берегу Сулака, былъ вашъ покорный слуга.

Началъ я службу въ К—омъ полку, храбрѣйшемъ изъ храбрыхъ полковъ на Кавказѣ; но въ двадцать лѣтъ идеалъ боевой, веселой, беззаботной жизни — это жизнь кавалериста.... Я бредилъ лехимъ конемъ, шашкой, лампасами, золотыми патронами, блестящими коваными эполетами и, прослуживъ въ рядахъ К — цевъ съ небольшимъ два мѣсяца, былъ переведенъ въ драгуны. Была и еще причина, тянувшая меня въ кавалерію... Не знаю, на основаніи какихъ данныхъ, въ пѣхотинцѣ, отдѣльно

(*) Арба — двухколесная татарская телега.

взятомъ, видѣлъ я только часть огромной машины, часть, лишенную свободной, независимой воли, самостоятельности, а слѣдовательно и возможности выказать свою удачу; кавалеристъ, напротивъ, представлялся моему воображенію существомъ самостоятельнымъ и, въ отдѣльности, являлся героемъ, который, при помощи лихаго коня, могъ совершить много блистательныхъ подвиговъ. «Ну, какъ — думалъ я — пѣхотинцу взять въ плѣнъ Шамиля? Его не допустить и подойти близко, его убьютъ. А развѣ невозможно это для кавалериста? Съ пашкою въ одной рукѣ, съ пистолетомъ въ другой, на лихомъ конѣ онъ пробьетъ сквозь живую стѣну мюридовъ — и горе имаму!...»

Замѣчательно, что изъ десяти юношей, отправлявшихся на Кавказъ на службу, по крайней мѣрѣ восемь думали навѣрняка если не взять въ плѣнъ Шамиля, то хотя убить его.

Итакъ, вотъ онъ, Чирь-Юртъ! вотъ и палатки драгунъ, вотъ ихъ коновязи!... Можетъ быть, завтра, можетъ быть, сейчасъ, протрубить тревогу, я сяду на перваго попавшагося коня и брошусь въ кровопролитную сѣчу! Какъ видите, фантазія моя разыгралась не на шутку, а, между тѣмъ, я не имѣлъ еще и понятія объ азбукѣ кавалерійской службы и ѣзжалъ только верхомъ лѣтъ десять тому назадъ, да и то когда кучеръ водилъ подъ узды, шагомъ, лошадь по двору, бережно придерживая меня на ней рукою.

А было о чемъ подумать. Я прибылъ въ полкъ, гдѣ не имѣлъ знакомыхъ. Зналъ одного штабсъ-капитана Патрина, и то на столько, что, при слѣдованіи драгунъ чрезъ Внезапную, перемолвилъ съ нимъ нѣсколько словъ въ извѣстномъ кавказцамъ трактирѣ Некрасова, на форштадтѣ.

Богъ знаетъ, какъ долго просидѣлъ бы я на берегу Сулака и что бы придумалъ, еслибъ случай не позаботился о моей особѣ: ко мнѣ подошелъ Патринъ. Съ особеннымъ радушіемъ предложилъ онъ мнѣ помѣститься въ его палаткѣ. Изъ учтивости я отказывался; но добрый Патринъ не слушалъ моихъ отговорокъ: безъ церемоній взялъ меня за руку и повелъ къ себѣ.

Палатка его стояла нѣсколько отдѣльно отъ прочихъ, между двумя коновязями. Подходя къ ней, мы услышали шумный, оживленный говоръ. Я остановился.

— Чего же вы стали, юноша? — такъ называлъ онъ обык-

новенно юнкеровъ: — пойдемте; вы у меня застанете компанію. Со мной вѣстѣ стоитъ Витинька Бачевскій, прапорщикъ.

— Нѣтъ, Вася, что ни говори, а серьезныя занятія сушатъ сердце, туманять голову.

— Это говорить Кудловъ, замѣтилъ мой спутникъ: — Кудловъ юнкеръ, такой же юноша, какъ и вы; впрочемъ, нѣтъ: вы не похожи на него, да и не дай Богъ вамъ быть на него похожимъ: Кудловъ ужасный повѣса и старается казаться невѣрующимъ....

— Послушай, Кудловъ, ври, да знай же иѣру, сказалъ кто-то въ палаткѣ.

— А это говорить Филоновъ, объяснялъ мнѣ Патринъ: — прекрасный офицеръ, образованъ отлично, но спорщикъ и чудакъ первой руки....

— Не вѣрьте Патрину: онъ ауховець.... проговорилъ кто-то въ палаткѣ.

Мы вошли. Съ обѣихъ сторонъ отъ входа въ палатку лежали косматыя бурки, на нихъ кожаныя подушки, нѣсколько чемодановъ, самоваръ, двѣ, три бутылки, и болѣе ничего. Филоновъ лежалъ на одной буркѣ съ Кудловымъ; на другой дремалъ Бачевскій.

Мы тотчасъ же познакомились.

Черные волосы, блестящіе каріе глаза, смуглое лицо обличали въ Патринѣ уроженца юга. Дѣйствительно, онъ родился въ Херсонской губерніи и велъ родъ свой отъ выходца изъ Сербіи, гусара временъ Елисаветы. Получивъ образованіе въ Ришельевскомъ лицѣ, Патринъ началъ службу въ уланахъ, квартировавшихъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ военного поселенія. Неудивительно, что, не имѣвъ случая проводить жизнь въ шумѣ свѣтскихъ развлеченій, онъ со всѣмъ увлеченіемъ молодой, пылкой натуры принялся изучать тайны кавалерійскаго дѣла и вскорѣ не имѣлъ соперниковъ въ основательномъ знаніи службы. Молодой офицеръ былъ замѣченъ начальствомъ: его вызвали въ дивизионный штабъ и поручили фронтовое образованіе различныхъ командъ, которыми въ тѣ времена наполнены были всѣ штабы. Такимъ образомъ, изъ глуши поселеній, Патринъ перенесся въ оживленный, веселенькій городокъ, гдѣ, кромѣ уланскаго колета, можно было видѣть фраки, сюртуки и — что въ особенности зашевелило сердце юноши — нарядныя платья и шляпки, издѣлія одесскихъ модистокъ. Мужское общество

городка и его уѣзда было богато, образовано; дамское—очаровательно, и дивизионный генералъ, особенно отличавшій Патрина, познакомилъ его со всѣми красавицами, а черезъ нихъ, конечно, съ отцами ихъ, братьями и мужьями. Но быть отличнымъ кавалеристомъ не значить еще быть корифеемъ общества: среди дамъ Патринъ бывалъ застѣнчивъ, неловокъ, среди молодежи держалъ себя скромно, солидно не по лѣтамъ, въ разговорахъ со старичками былъ нерѣчивъ, по неувѣренности въ знаніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ кругъ служебныхъ требованій. Словомъ, онъ понялъ, что знаніе наукъ, затверженныхъ на школьной скамейкѣ, и высшая школа верховой ѣзды не ставятъ никого высоко въ глазахъ общества, а самолюбіе, особенно развитое въ молодомъ уланѣ, не дозволяло ему быть гдѣ бы то ни было на заднемъ планѣ.

Въ описываемое мною время, въ русскомъ обществѣ совершался благодѣтельный переворотъ: вдохновенныя пѣсни Пушкина и Лермонтова пробудили отъ апатій умы и сердца; начало проявляться сознаніе, что существуютъ наслажденія выше трюфелей и страсбургскихъ пироговъ; разговоры о литературѣ, чтеніе отечественныхъ писателей получили право гражданства въ свѣтскихъ кружкахъ.

Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ своимъ новымъ знакомымъ, Патринъ пересталъ показываться въ обществѣ: утро проводилъ въ манежѣ, вечеромъ запирался на своей квартирѣ. Такъ прошелъ годъ. Патрина забыли.

Жителямъ юга Россіи, вѣроятно, и теперь еще памятны балы ***скаго благороднаго собранія въ 184* году. Ни прежде, ни послѣ не отличались они такою веселостію, увлеченіемъ, а главное—обиліемъ хорошенькихъ женщинъ. Дѣйствительно, всѣ красавицы губерніи — а ихъ было довольно—запасшись вспомогательными средствами въ магазинѣ знаменитой одесской модистки м-ше Томазини, явились на паркетное поле битвы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ вскружить головы всей ***ской молодежи. Въ какой степени удалось имъ привести въ исполненіе такого рода планы, видно изъ того, что, по отчетамъ военныхъ поселеній и мѣстныхъ земскихъ властей за 184* годъ, показано огромное количество бракосочетавшихся, лишившихся разсудка и умершихъ отъ чахотки. Ну, да это дѣло статистики и не относится къ нашему разсказу. Понятно, что при такомъ обиліи красавицъ быть первюю изъ нихъ значило быть олицетвореніемъ

идеала поэзіи. Эта завидная доля выпала Наташѣ Равской. Не ждите отъ меня, читатель, описанія красоты этого перла созданія уже и потому, что я не видалъ ея. Достаточно сказать, что, при необыкновенной красотѣ, Равская обладала и другими достоинствами: отличнымъ образованіемъ и приданнымъ во сто тысячъ съ чѣмъ-то серебромъ. Съ перваго же бала она увидѣла себя окруженною толпою поклонниковъ, окинула ихъ быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ и остановилась на Патринѣ.

Патринъ былъ далеко не тотъ, какимъ знали его за годъ тому назадъ. Неловкость и робость въ обращеніи замѣнились въ немъ самоувѣренностію; умѣнье вести свѣтскую болтовню, *de-biter ses petits riens*, обратило на него вниманіе и слѣдало кумиромъ женщинъ.... Какимъ образомъ удалось Патрину къ личнымъ достоинствамъ своимъ присоединить единственное условіе, мѣшавшее успѣхамъ его въ обществѣ, остается неизвѣстнымъ. Мужчины говорили, что, запершись въ своей квартирѣ, онъ въ теченіе года пользовался постояннымъ товариществомъ мосье Биду, гувернера, изгнаннаго изъ семейства одного степнаго помѣщика за чрезвычайную вѣжливость, изысканную любезность и особое вниманіе къ взрослымъ дочерямъ помѣщика, и что мосье Биду нашелъ въ Патринѣ понятливаго и усерднаго ученика. Другіе—и это были барыни—говорили, что Патринъ цѣлые дни проводилъ вовсе не дома, а у графини Подхоржевской, мѣстной помѣщицы, блиставшей нѣкогда въ великосвѣтскомъ кругу Петербурга и удалившейся въ глушь вслѣдствіе появленія двухъ-трехъ незваныхъ морщинокъ на атласномъ лобикѣ ея сіятельства. Третья варьировали эту тему на иной ладъ. Приблизиться къ вѣроятному рѣшенію загадки, какъ мнѣ кажется, можно такимъ образомъ: допустивъ одно и другое изъ предположеній вполнину и принявъ во вниманіе природный умъ молодого улана, самолюбіе и силу воли, мы поймемъ возможность вліянія мосье Биду и графини,—возможность перерожденія.

Какъ бы то ни было, но Патринъ, оставаясь первымъ кавалеристомъ въ городѣ и въ расположеніи полка, удержалъ за собою первое мѣсто и на поприщѣ паркетномъ. Равская, милая, блистательная Равская, при первомъ же выѣздѣ въ собраніе, замѣтила Патрина. Замѣтилъ ее и онъ, но не хотѣлъ подать и виду своего удивленія. Такъ прошло нѣсколько баловъ. Разъ, какъ обыкновенно бываетъ, нечаянный случай повлекъ ихъ въ минутный разговоръ. Вальсируя съ какимъ-то Аполлономъ во

Фрактъ, Равская нечаянно уронила вѣеръ какъ разъ у ногъ Патрина, стоявшаго у колонны въ залѣ, съ видомъ невозмутимаго спокойствія. Простая учтивость требовала поднять вѣеръ и, по окончаніи тура, возвратить его по принадлежности. Патринъ такъ и сдѣлалъ. Равская поблагодарила его такъ мило и такъ естественно, что герой нашъ, ожидавшій, конечно, обыкновеннаго «тегі, монсіег», невольно опустился въ незанятое кресло, рядомъ, и черезъ нѣсколько минутъ знакомство было сдѣлано. Затѣмъ послѣдовалъ визитъ къ Равскимъ, начались вечернія посѣщенія ихъ дома, катанья на тройкахъ, словомъ открылся весь циклъ тѣхъ событій, которыя ведутъ къ объясненію въ любви и заключаются вступленіемъ въ бракъ. Но дѣлу, завязавшемуся подъ такими счастливыми предзнаменованиями, не суждено было увѣнчаться успѣхомъ. Отецъ Патрина не согласился дать благословенія на бракъ сына. Причиною тому была старинная вражда его къ дѣду Равской, когда-то его оскорбившему, — вражда, о которой молодой Патринъ до сихъ поръ не зналъ, но которая глубоко запала въ сердце старика. Зная непреклонную волю отца, молодой человекъ не смѣлъ и подумать объ ослушаніи. Ему оставалось только покориться суровому приговору и уѣхать далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ надѣялся быть счастливымъ.

Въ описываемое мною время Кавказъ былъ пріютомъ всѣхъ любителей сильныхъ ощущеній и тѣхъ, которые, не поддаваясь въ горѣ малодушному отчаянію, старались найти пищу полезной дѣятельности. Патринъ поѣхалъ на Кавказъ и поступилъ штабсъ-капитаномъ въ храбрый драгунскій полкъ. Онъ скоро заслужилъ и здѣсь расположеніе товарищей и репутацію дѣльнаго офицера: молодецъ на полѣ битвы и, что на Кавказѣ считалось въ то время рѣдкостію, молодецъ и на учебномъ плацу, знатока кавалерійской службы во всѣхъ ея подробностяхъ и отгѣнкахъ.

Грустное прошлое отразилось въ характерѣ Патрина особеннымъ психологическимъ явленіемъ: онъ сдѣлался страшно разсѣянъ. Не разъ случалось товарищамъ его, среди общей оживленной бесѣды, подслушивать странныя слова, произносимыя Патринымъ вовсе некстати. Такъ, напримѣръ, собиравсь пить чай, онъ обращался къ деньщику съ приказаніемъ наставить поскорѣе *сапоги*, жившему съ нимъ въ палаткѣ Бачевскому совѣтовать, во время холодной погоды, укрыться *залестукомъ*, ра-

зумѣя подъ этимъ тулушъ, а съ однимъ офицеромъ, заставшимъ его молящимся въ манежѣ, едва не поссорился, доказывая, что нѣтъ ничего страннаго, вставъ отъ сна, молиться Богу. Впрочемъ, такого рода странности не мѣшали Патрину быть добрымъ товарищемъ и усердно заниматься командуемымъ имъ эскадрономъ, а въ свободное время чтеніемъ журналовъ и книгъ, даже сочиненіемъ стиховъ и переводами съ иностранныхъ языковъ.

Какъ человекъ образованный, Патринъ особенно сблизился съ Фионовымъ, несмотря на то, или даже именно потому, что характеры обонхъ, сходясь въ немногомъ, вообще были противоположны. Но объ этомъ послѣ.

Фионовъ, богатый баричъ, получившій прекрасное образованіе въ домѣ родителей, поступилъ въ военную службу. Острый умъ, любезность, ловкость и хорошее состояніе скоро выдвинули его изъ рядовъ товарищей и доставили успѣхи въ обществѣ. Пылкій Фионовъ съ увлеченіемъ бросился въ омутъ удовольствій и очнулся тогда только, когда здоровье его, потрясенное излишествами всякаго рода, разстроилось, а управляющій имѣніемъ почтительнѣйше донесъ, что у его благородія, за продажею съ аукціона, изъ тысячи восьмисотъ-пятидесяти душъ, остается сто-пятьдесятъ! Возможности жить прилично, при такомъ числѣ душъ, Фионовъ не могъ и предположить. Ему оставалось выйти въ отставку и удалиться въ деревню; но деревня представлялась ему чѣмъ-то среднимъ между Камчаткою и Нордкапомъ... Пораздумавъ, онъ рѣшился перейти на Кавказъ въ драгуны... Его манили туда и обаяніе походной жизни, и своеобразная природа, и простота нравовъ жителей, воспѣтыя тогдашними поэтами, а главное — климатъ, благоприятный для его разстроеннаго здоровья. По прибытіи въ полкъ, Фионову было суждено испытать неудачу въ лучшемъ своемъ ожиданіи. Эскадронъ, въ которомъ онъ числился, не пошелъ въ походъ, и всѣ просьбы его у полковаго командира прикомандироваться къ уходящему дивизиону остались тщетны. «Нельзя: держу очередь офицерамъ и эскадронамъ!» угрюмо отвѣчалъ полковникъ Круковский на просьбы Фионова. Дѣлать нечего, должно было покориться необходимости, заняться наблюденіемъ надъ бытомъ и нравами туземцевъ и любоваться панорамою кавказскихъ горъ; но — увы! — и тутъ Фионова ожидало разочарованіе. Въмѣсто воспѣтыхъ поэтами героевъ, онъ нашелъ въ жителяхъ грубыхъ варваровъ, а видъ горъ скоро прискучилъ ему до тошноты.

Озлотившись противъ всего его окружающаго, онъ предался чтенію туманныхъ философскихъ теорій, наводнявшихъ тогда иностранную литературу, и въ это-то время сблизился съ Патринимъ, съ которымъ проводилъ цѣлыя часы, и до того привыкъ къ нему, что когда ему случалось, во время походовъ эскадрона Патрина, оставаться одному, то скука одолевала его до раздраженія желчи, до состоянія болѣзненнаго. Изъ этого, впрочемъ, не надобно заключать объ идиллическомъ характерѣ отношеній двухъ друзей. Напротивъ, вечера проходили у нихъ въ нескончаемыхъ спорахъ, интересовавшихъ тѣхъ офицеровъ и юнкеровъ, которымъ случалось быть свидѣтелями состязаній... Филоновъ говорилъ сдержанно, тихо, но ѣдкими сарказмами выводилъ изъ себя горячаго Патрина: онъ вскакивалъ съ мѣста, бѣгалъ по комнатѣ, хватался за разбросанныя книги и вещи. Такія выходки вызвали у Филонова названіе «немирнаго ауховца», которое и осталось въ полку за Патринимъ. Дѣло не ограничивалось словами. Съ обѣихъ сторонъ сочинялись стихи.

Вотъ надпись «къ портрету Патрина»:

Патринъ — вотъ сентиментальный,
Немирныхъ Аухъ наибъ,
Рыцарь Витивки печальный,
Онъ въ Чирь-Юртѣ русскій Скрибъ!
Эскадронное ученье
Онъ съ лордъ-Байровомъ сдружилъ,
Отъ «Гаура» къ построеньямъ
Онъ не разъ переходилъ!

Время изгладило изъ памяти моей окончаніе этого экспромта, на который Патринъ отвѣчалъ также стихотворною репликою.

Между болѣе частыми посѣтителями друзей-оригиналовъ находился и юнкеръ Кудловъ, беззаботный, веселый малый, съ претензіями, однако, на разочарованіе и страстный послѣдователь отрицательнаго направленія въ жизни, проповѣдуемаго Филоновымъ. Живи онъ въ наше время, онъ бредилъ бы Базаровымъ... Не могу забыть самодовольной улыбки, озарившей лицо его, когда Филоновъ, выслушавъ исповѣдь Кудлова, употребившаго, можетъ быть, величайшія усилія заучить нѣсколько страницъ изъ Кузена и его собратій, иронически назвалъ его Мельмотомъ! (*)

(*) Мельмотъ-Скиталець, герой моднаго, въ тридцатыхъ годахъ, романа.

Вмѣстѣ съ Патринимъ стоялъ молодой прапорщикъ Бачевскій. Сынъ медика тифлисскаго госпиталя, онъ получилъ воспитаніе, которое обыкновенно давалось тогда молодымъ людямъ, предназначавшимъ себя къ военной службѣ. Это значить, что онъ умѣлъ читать, писать, дѣлая пропасть ореографическихъ ошибокъ, и зналъ съ грѣхомъ пополамъ первыя четыре правила ариѳметики. Блистательное дѣло нижегородскихъ драгунъ подъ Элису доставило ему на 17 году отъ роду знакъ отличія военнаго ордена, или, какъ обыкновенно его называютъ, солдатскій Георгій, и прапорщикьи эполеты. Собою былъ онъ очень хорошъ, но хорошъ какъ ребенокъ. Голубые глаза, остѣненные длинными рѣсницами, тонкія уши, персиковый пушокъ на розовыхъ щечкахъ дѣлали его похожимъ сворѣй на дѣвущку, чѣмъ на драгунскаго ошндера. Ровный, спокойный характеръ, застѣчивость, нѣжный, серебристый голосъ еще болѣе увеличивали это сходство. Витинька — такъ звалъ Бачевскаго весь полкъ — обратилъ на себя вниманіе Патрина, и ему жаль стало ребенка, отторгнутаго отъ родной семьи, въ то время, когда онъ нуждался еще въ ея попеченіяхъ и ласкахъ. Жаль ему было также, что плохое образованіе не дастъ ему возможности развить способности свои среди трудовъ и опасностей боевой жизни. Патринъ рѣшился пополнить, на сколько было въ его силахъ, образованіе Витиньки, развить его характеръ, изъ ребенка сдѣлать человѣка. Онъ пригласилъ Бачевскаго жить вмѣстѣ, занимался фронтовымъ его образованіемъ, въ свободное же время читалъ ему вслухъ книги и журналы, заставлялъ на бумагѣ излагать прочитанное, объяснялъ интересовавшія юношу явленія міра физическаго и нравственнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Патринъ такъ привязался къ своему питомцу, что не разставался съ нимъ ни на минуту. Было что-то трогательное, что-то материнское въ любви его къ Бачевскому. Филоновъ объяснялъ это чувство по своему. Онъ говорилъ, что Патринъ вступилъ въ тотъ возрастъ жизни, который природа назначила для жизни семейной, для чувства отца, и что именно любовь Патрина къ Витинькѣ — это любовь отца къ сыну, и что заслуги со стороны перваго онъ въ этомъ не видитъ.

Обращаюсь къ разсказу о себѣ.

Чрезвычайно довольный въ душѣ гостепрїимствомъ Патрина, я занялъ уголокъ въ его палаткѣ, досталъ изъ чемоданчика мун-

дирь изъ тонкаго сукна, одѣлся и пошелъ являться полковому командиру.

Полкомъ командовалъ тогда «рыцарь безъ страха и упрека», извѣстный полковникъ Круковскій. Онъ жилъ въ саманномъ (*) домикѣ — единственномъ тогда кирпичномъ строеніи въ Чирь-Юртѣ.

Доложивъ о себѣ черезъ ординарца унтеръ-офицера, я услышалъ голосъ: «войдите», и вошелъ въ комнату.

Противъ входныхъ дверей, на складномъ креслѣ у стола, сидѣлъ полковникъ. Это былъ высокій мужчина, лѣтъ 45, бронеть, съ пронизательнымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей, съ длинными усами, висѣвшими до третьей пуговицы сюртука, со строгимъ выраженіемъ лица. Мною овладѣло невольное чувство уваженія и страха...

При входѣ моемъ, полковникъ медленно снялъ съ головы черную косматую папаху, которую, по кавказскому обычаю, постоянно носилъ въ комнатѣ, и, кивнувъ слегка, въ видѣ приѣтствія, приподнялся съ кресла.

— Честъ имѣю явиться, г. полковникъ, переведенный изъ Каб—го полка такой-то!

— Здравствуйте, «юнкать» — такъ всегда выговаривалъ онъ слово юнкеръ. Я получилъ письмо отъ вашей матушки. Она проситъ меня о покровительствѣ вамъ... Напишите ей отъ меня, что это лишнее. Рекомендацій я не терплю, покровительства не понимаю... Служите честно, деритесь какъ нижегородецъ, и все будетъ хорошо... Въ дѣлахъ бывали?

— Былъ, г. полковникъ, подъ Хасавъ-Юртомъ и при блокадѣ горами крѣпости Внезапной.

— Ну и прекрасно! Ступайте къ полковому адъютанту и скажите, что я назначаю васъ въ 8-й эскадронъ. Пусть отдастъ въ приказѣ по полку.

— Слушаю, г. полковникъ!

Круковскій надѣлъ папаху. Это значило, что аудіенція кончилась, и я, сдѣлавъ весьма неловко *нальво круюмъ*, поспѣшилъ выйти вонъ.

— Юнкать! раздалось вслѣдъ за мною.

Я воротился.

— Я забылъ сказать вамъ, сказалъ полковникъ, снимая па-

(*) Саманный кирпичъ мѣсится изъ глины, съ мелкою рѣзкою изъ соломы — самана — и потомъ сушится на солнцѣ.

паху, вотъ что: можетъ случиться, что вамъ понадобятся деньги—почта здѣсь ходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ—тогда приходите ко мнѣ. Я дамъ вамъ въ займы, разумѣется, если вы будете того стоить. *А нальво круюмъ* научитесь дѣлать лучше...

И снова надѣлъ папаху.

На этотъ разъ несчастное *нальво круюмъ* вышло еще хуже, и я, не пойму какъ, вышелъ изъ комнаты.

Ласковый пріемъ полковника тронулъ меня до глубины души и сдѣлалъ меня восторженнымъ его почитателемъ,

Жизнь въ Чиръ-Юртѣ кипѣла въ это время дѣятельностію. Полкъ обстроивался. Съ раняго утра, по бою барабана, *во во-замъ*, собирались на плацъ повозки офицерскія и солдатскія, также казенныя конныя и воловыя фуры и подъ охраненіемъ прикрытія изъ 50—80 человекъ отправлялись въ ближайшій Султанъ-юртскій лѣсъ за бревнами и плетнемъ. Между тѣмъ, мѣсился и приготовлялся саманный кирпичъ, а изъ высушеннаго строились казармы, конюшни, офицерскіе дома. Внизу, на долину, образуемой теченіемъ Сулака, устраивались двѣ слободки съ полковыми хозяйственными заведеніями и помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ.

Въ ожиданіи болѣе надежныхъ укрѣпленій, два фаса четырехугольника, образуемаго помѣщеніемъ полка, оберегались небольшимъ рвомъ съ промежутками для воротъ, заставленными деревянными рогатками. Два другіе фаса примыкали къ спускамъ къ сторонѣ слободокъ. Понятно, что при такомъ не совсѣмъ безопасномъ устройствѣ лагеря необходимо было принимать усиленныя мѣры предосторожности противъ многочисленныхъ шаекъ горцевъ, то и дѣло рыскавшихъ поблизости, въ надеждѣ поживиться на нашъ счетъ. Ежедневно наряжался дежурнымъ очередной эскадронъ, въ которомъ лошади были осѣдланы, люди находились при своихъ мѣстахъ, а ночью даже при оружіи. Кромѣ того, днемъ назначались разъѣзды къ Міатлинской переправѣ на Сулакъ, въ пяти верстахъ отъ лагеря, и далѣе къ хребту Хуттумъ-Башъ, а ночью три смѣны разъѣзда къ небольшому укрѣпленію, гдѣ помѣщался нашъ конный лазаретъ, близъ аула Султанъ-янги-Юртъ. Такъ какъ послѣдніе разъѣзды дѣлались въ направленіи къ мирнымъ ауламъ, гдѣ большой партіи хищниковъ пробраться было трудно, то начальство надъ ними поручалось очень часто юнкерамъ. Наконецъ, ночью весь

лагерь оцѣплялся часовыми, поставленными у рогатокъ, и отдѣльными постами по берегу рѣки, въ слободахъ. Дежурными по цѣпи назначались офицеры, дежурными по фасамамъ юнкера. Слѣдовательно, довольно было служебныхъ занятій и для нашего брата юнкера. Прибавьте къ этому ученье верховой ѣздѣ, о которой я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія, обученіе ружейнымъ приемамъ и маршировкѣ, о которыхъ мои понятія были весьма смутны...

А тревоги?... Впрочемъ, тревогами я не тяготился. Скажу болѣе: онѣ мнѣ нравились, въ особенности ночныя.

Представьте себѣ темную южную ночь... Все тихо, все спитъ въ лагерѣ; свѣтится только огонекъ въ казармахъ дежурнаго эскадрона да слышенъ осторожный, вполголоса, окликъ часоваго на офицера или юнкера, повѣряющаго цѣпь... Но^o вотъ кто-то скачетъ съ поля къ рогаткѣ — часовой приготовляетъ ружье, щелкнувъ взводъ курка, раздались спѣшныя шаги дежурныхъ... Нѣсколько человекъ прошли къ дому полковника... Вѣроятно, лазутчики дали знать о прокравшейся партіи хищниковъ. А! вотъ грянулъ барабанъ и залился знакомою дробью.... Тревога!... Дежурный эскадронъ засуетился. Раздается команда: *са-а-адись, равняйся справа по три, рысью, марш!*

— Второму дивизиону сѣдлать и выѣзжать по кумтеръ-калинской дорогѣ, третьему сѣдлать и ждать приказанія! говоритъ полковой адъютантъ, подскакивая къ столпившимся офицерамъ.

Эскадронные командиры бѣгутъ къ своимъ частямъ передавать полученное приказаніе. Драгуны, кто въ курткѣ, кто въ шинели, спѣшно сѣдлаютъ коней...

Слышны крики: живо! не зѣвать! не спать третій взводъ! выводи!

Вахмистръ, съ пѣною у рта, подскакиваетъ къ замедлившемуся взводу...

— Да выводи же! кричитъ онъ, топая ногами:—охъ ужъ мнѣ зтотъ взводъ!...

Но вотъ и второй дивизионъ потянулся рысью. Сзади нагоняютъ вскачь отстаыые, большею частію заспавшіеся юнкера или офицеры изъ молодыхъ.

Полковникъ ускакалъ уже съ дежурнымъ эскадрономъ.

И снова все затихло въ лагерѣ...

Поутру эскадроны возвращаются домой. Полковникъ на своемъ бѣломъ иноходкѣ проѣзжаетъ мимо рядовъ и благодаритъ драгунъ за скорый сборъ на тревогу.

- Спасибо, ребята! спасибо, молодцы! говоритъ онъ.
 — Рады стараться, ваше высоблагородіе! гремить въ рядякъ.
 — Пѣсенники на правый флангъ!

И пѣсенники рысью несутся изъ взводовъ впередъ и выстраиваются въ два ряда впереди колонны. Звенятъ бубны и тарелки, заливается рожокъ...

— Валяй полковую!

Пѣсенники запѣваютъ:

Нижегородскіе драгуны,
 Удалые хваты!
 Рубить, стрѣлять, на штыкъ сажать —
 Вотъ дѣло нашей братьи!
 За Царя, святую Русь,
 Ура, ребята, въ горы!
 Персія иль Турокъ-трусъ —
 Для насъ все это вздоры!

Нижегородскіе драгуны
 Вдуть ли учитьсѣ, —
 «Маршъ-маршъ!» летятъ;
 «Слѣзай!» — стоятъ.
 То надобно дивитьсѣ!
 И штыкъ примкнуть,
 И сталь во фрунтъ,
 Ружье на изготовкѣ.
 Начальники благодарятъ:
 Драгуны, видно, ловки!

Нижегородскіе драгуны
 Маркиганта любятъ.
 Ружье складутъ,
 Въ духанъ идутъ
 И тамъ себя не губятъ!
 За здоровье пьютъ Царя,
 Кругомъ стаканчикъ ходитъ,
 И лишь вечерняя заря
 Въ казармы ихъ прогонитъ!

А въ другомъ эскадронѣ поютъ протяжную элисейскую:

Какъ стояли мы съ отрядомъ
 Съ генераломъ храбрымъ Шварцомъ,
 Выходилъ султанъ (*) за горы }
 Съ некрещеною ордой. }bis.

(*) Султанъ элисейскій Давіэль-Векъ.

Султанъ вздумалъ бунтоваться,
 Съ своей жизнью разставаться:
 Служилъ русскому Царю, — { бив.
 Передался ко Шмелю. (*)

Укрѣплялся Элисуйскій
 На завалахъ, между скалъ —
 Мы и тутъ къ нему явились,
 Вго грозный часъ насталъ!...

Бывали и такіе случаи:

Проснешься поутру, выйдешь изъ палатки, а тамъ лентой тянутся подъ гору на водопой къ Сулаку эскадроны. Посмотришь — нѣтъ одного дивизиона!

— А гдѣ второй дивизионъ? спросишь проходящаго мимо писаря.

— Ночью летучка (**) пришла. Въ Шуру ушелъ.

Въ такомъ случаѣ драгуны выходили какъ можно тише, чтобы сосѣдніе мирные горцы не успѣли предупредить своихъ немирныхъ собратій, между которыми имѣли часто родныхъ и пріятелей.

Въ отсутствіе эскадроновъ всѣ въ какомъ-то безпокойствѣ. Что-то подѣлываютъ товарищи? да и гдѣ они? Конечно, гдѣ они, знаетъ полковой командиръ; но онъ неразговорчивъ и выпытать отъ него что либо очень трудно. А тутъ, Богъ вѣсть, откуда разносится слухъ, что они были въ жаркомъ дѣлѣ, разбиты, конечно, непріятеля въ пухъ и прахъ, но и сами понесли большую потерю: тотъ убитъ, тѣ ранены. Пожалѣешь товарищей, а глядишь, чрезъ нѣсколько дней они возвращаются по добру, поздорову. Случалось, впрочемъ, что слухи отчасти оправдывались.

Сборы въ походъ были у насъ крайне коротки. Напримѣръ, предписаніе о выступленіи въ походъ въ Акушу въ 1846 году было получено 11 октября, въ три часа по полудни, а въ четыре съ половиною 1-й и 4-й дивизионы стояли уже на полковомъ плацу для выслушанія молебна, въ полной готовности, имѣя съ собой десятидневный запасъ провіанта и на трое сутокъ фуража...

Встанешь поутру, придешь въ эскадронъ, къ старшему вахмистру.

(*) Шамиль.

(**) Такъ называютъ пакеты съ припечатаннымъ перышкомъ.

— Здравствуйте, Владиміръ Ивановичь!

— Bon jour, monsieur! скажетъ онъ, а не угодно ли вамъ будетъ на кордочкѣ прогуляться?

И если онъ въ добромъ расположеніи духа, то велитъ осѣдлать Горчицу, кобылу самыхъ спокойныхъ аллюровъ, а когда бывалъ не въ духѣ или сердить на кого, то посадить на Горюна, тряскаго до невѣроятія мерина. Послѣ получасовой ѣзды на немъ у меня каждый разъ непремѣнно болѣли грудь и поясница, разумѣется, до тѣхъ только поръ, пока я не привыкъ къ ѣздѣ.

Владиміръ Ивановичь былъ замѣчательная личность. Побочный сынъ жандармскаго штабъ-офицера въ одномъ губернскомъ городѣ, онъ поступилъ въ гимназію, изъ 3-го класса которой долженъ былъ выйти послѣ смерти отца, дававшего ему средства къ жизни. Матери лишился онъ еще ранѣе. Что оставалось дѣлать бѣднягѣ? Въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, стояли штабы драгунской дивизіи и — скаго полка. Не думая долго, Владиміръ Ивановичь поступилъ въ драгуны на общемъ двѣнадцатилѣтнемъ правѣ; ловкій, видный собою, на восьмомъ году службы онъ былъ произведенъ въ старшіе вахмистры и пришелъ на Кавказъ съ эскадронами, назначенными на укомплектованіе состава Нижегородскаго полка.

Но та среда, въ которой до сихъ поръ вращался Владиміръ Ивановичь, не могла удовлетворить бывшаго гимназиста, и постоянной цѣлью его было пріобрѣтеніе знакомства съ юнкерами. Заводилъ же онъ знакомство очень оригинальнымъ образомъ.

Случалось это большею частію по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, когда всѣ мы собирались къ обѣднѣ въ церковь. Владиміръ Ивановичь покупаетъ свѣчку и идетъ самъ ставить ее передъ мѣстными образами, но, проходя, или толкнетъ, какъ бы нечаянно, юнкера, съ которымъ желаетъ познакомиться, или наступитъ ему на ногу.

— Ah! mille pardons, monsieur! говоритъ онъ, или: veuillez m'excuser, monsieur. Вотъ мы каковы, дескать, и по-французски знаемъ!

Послѣ обѣдни подходитъ онъ опять къ юнкеру и въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, но уже по русски, повторяетъ свои извиненія. Затѣмъ знакомство считается сдѣланнымъ.

Со мною сошелся онъ поближе, и вотъ по какому случаю: Разъ какъ-то, въ дежурство нашего эскадрона, боясь опоз-

дать на тревогу, которую ожидали въ эту ночь, я остался ночевать въ казармахъ, усѣлся за столиккомъ у свѣчки и сталъ читать «*Reau de chagrin*», Бальзака. Было далеко за полночь. Меня клонила дремота, и, держа въ рукахъ книгу, я то и дѣло невольнo закрывалъ глаза....

— Il existe cependant dans la nature.... раздалось сзади меня.

Я обернулся. За мной стоялъ Владимiръ Ивановичъ и читалъ книгу изъ-за моихъ плечъ. Пользуясь свободнымъ временемъ—тревоги, противъ ожиданiя, не было—разсказалъ онъ мнѣ исторiю своей жизни и, чуть не со слезами на глазахъ, просилъ давать ему для прочтенiя книги, которыя, какъ ему было извѣстно, я бралъ у Филонова, Патрина и у другихъ товарищей.

Владимiръ Ивановичъ кончилъ карьеру свою очень печально. Произведенный за отличiе въ дѣлахъ въ офицеры, онъ увлекся вертлявою наѣздницей какой-то труппы акробатовъ, прiѣзжавшихъ въ Чирь-Юргъ, и женился на ней. Хорошенькая наѣздница оказалась дурною женою, и Владимiръ Ивановичъ, удостоившись въ неисправности своей подруги, сталъ пить, пить и наконецъ спился съ кругу, былъ исключенъ изъ полка и умеръ гдѣ-то подъ тыномъ.... Миръ тебѣ, старый камаздъ!

Поѣздивъ съ полчаса или промаршировавъ по плацу шагами трехъ прiемовъ, выйдешь за валъ шаговъ на пятьдесятъ—дальше ходить было опасно и потому строго запрещено — полюбуешься степью, тянущеюся къ Каспiйскому морю, полюбуешься пѣшью горъ Салатау, спустишься въ слободку, зайдешь въ духанъ узнать, не привезъ ли нашъ маркитантъ, Ростомъ Кастановичъ, чего нибудь по съѣстной части: балыка, шамаекъ и т. п. А тутъ идетъ полковникъ, въ длинномъ, до пятъ, кавказскомъ сюртукѣ, въ фуражкѣ въ бѣломъ чухлѣ, надѣтой на затылокъ, съ толстѣйшей палкой въ рукѣ. Остановишься, сдѣлаешь ему фронтъ. На Кавказѣ, и въ бывшее время, шапокъ снимать передъ начальствомъ не полагалось.

— Здравствуйте! скажетъ онъ.

— Здравiя желаю, г. полковникъ!

Разъ встрѣчаю его: я былъ въ очкахъ. Надобно сказать, что, крайне близорукiй отъ природы, я съ тринадцати лѣтъ принужденъ былъ носить очки, потому что не могъ слѣдить за задачами, которыя въ гимназiи учитель математики объяснялъ

на черной классной доскѣ. Вскорѣ я привыкъ къ нимъ до того, что снималъ ихъ только тогда, когда ложился спать. Поступивъ на службу, я увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи. Разстаться со сдѣланной привычкой было крайне тяжело, а носить очки юнкерамъ не дозволялось. Даже для офицеровъ разрѣшеніе это стоило многихъ хлопотъ и разъѣздовъ для освидѣтельствванія степени порчи зрѣнія докторами дивизионными и корпусными. Къ счастью, мелочность въ соблюденіи всѣхъ тонкостей, требуемыхъ формою, не была въ ходу у кавказскаго начальства, и въ короткое время службы моей въ К — скомъ полку я носилъ очки постоянно. Разъ только, именно на смотру генерала Фрейтага для опроса претензій, я вышелъ во фронтъ безъ нихъ; снималъ ихъ также, когда приходилъ по какому нибудь дѣлу къ командиру полка, добрыйшему Вик. Мих. Козловскому.

Перейдя въ драгуны, я всячески остерегался, чтобы не попасться въ очкахъ полковнику Круковскому, и поспѣшно снималъ ихъ, завидя его издалека. На этотъ разъ я встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу, на крутомъ поворотѣ въ переулочкѣ съ большой улицы, въ слободкѣ. Прятаться было поздно. Я сдѣлалъ фронтъ.

Сурово посмотрѣлъ на меня Феликсъ Антоновичъ.

— Это что за франтовство? сказалъ онъ.

«Франтовство!» подумалъ я съ горечью. «Еслибъ вы знали...» Но слова замерли на губахъ.

— Слушайте, юнкаръ, медленно продолжалъ полковникъ, подойдя ближе ко мнѣ и взявъ меня за пуговицу шинели: — если я когда либо еще разъ увижу васъ въ очкахъ, то будетъ нехорошо, больно нехорошо!...

И, опираясь на толстую палку, онъ пошелъ въ гору къ лагерю.

Какъ было мнѣ понять эту угрозу? Смыслъ ея выяснился для меня чрезъ нѣсколько дней.

Выходя какъ-то изъ дому, я снова встрѣтился съ Круковскимъ... Несчастные очки были на мнѣ... Я съ ужасомъ ожидалъ, что будетъ... Но полковникъ, не подавая вида, что замѣтилъ меня, остановилъ проходившаго мимо фурштата и заговорилъ съ нимъ. Разумѣется, я исчезъ какъ мотъ скорѣе за первымъ же понавшеися угломъ, благословляя въ душѣ добраго начальника. Мнѣ стало ясно, что, врагъ всякой формалистики, Круковский считалъ все-таки не лишнимъ напомнить молодому

человѣку, что не слѣдуетъ бравировать тѣмъ, что запрещается. Но что полковникъ не придавалъ особеннаго значенія отступленію отъ принятаго порядка, это онъ доказалъ тѣмъ, что выразилъ угрозу свою въ особенной туманной формѣ.

Послѣ узнавъ я, что онъ спрашивалъ моего эскадроннаго командира, точно ли я близорукъ.

Мѣсяца черезъ полтора по прибытіи моемъ въ полкъ, Патринъ переселился въ выстроенный имъ собственный домикъ. Бачевскій послѣдовалъ за нимъ, Кудловъ нанялъ комнатку у семейнаго солдата въ слободкѣ. Патринъ приглашалъ къ себѣ и меня; но я уже имѣлъ свой уголь. Обзавелся же я недвижимою собственностью вотъ по какому случаю.

Однажды ко мнѣ въ палатку вошелъ прапорщикъ А—тнѣй, съ ирайне озабоченнымъ видомъ.

— Что съ вами, дорогой Петръ Федоровичъ?

— Да что, батюшка, дѣло дрянъ! Стройка разорила. Ошибся въ размѣрѣ дома и для одного онъ вышелъ великъ; притомъ, дорогъ, да одному и стоять скучно будетъ. Турлука (хвороста) пошло почти на десять рублей...

— А что же весь-то домъ вамъ стоитъ?

— Да около 25 рублей!

— Знаете что? Не продадите ли вы мнѣ половину его въ вѣчное и потомственное владѣніе?

А—тнѣй улыбнулся.

— Признаюсь, что я и шелъ-то къ вамъ именно съ цѣлью сдѣлать такое предложеніе, сказалъ онъ:—да думалъ, что вы не разстанетесь съ Патринымъ.

— Отчего же? Конечно, я привыкъ къ нему, но мысль имѣть собственность слишкомъ обаятельна и у меня нѣтъ силъ ей противиться. Ну-те, по рукамъ!

Дѣло тутъ же было кончено, и за 12 руб. я сдѣлался обладателемъ цѣлой половины дома! На другой день я перебрался на новоселье.

Домъ былъ изъ хвороста (турлучный), густо обмазаннаго глиной съ саманомъ, съ тростниковой крышей, и чисто выбѣленъ внутри и снаружи. Дверь съ улицы вела въ крошечныя сѣни, изъ которыхъ налево былъ входъ въ кухню, а прямо въ комнату съ большимъ итальянскимъ окномъ. Правая половина комнаты досталась въ мое обладаніе; къ ней принадлежала и

правая половина окна, передъ которымъ стоялъ довольно длинный столъ.

А—тнѣй, приглашая меня жить съ собою, имѣлъ, какъ оказалось впоследствии, тайную цѣль. Онъ началъ заниматься французскимъ языкомъ и нуждался въ руководителѣ. Разумѣется, я охотно помогалъ ему небольшимъ запасомъ знаній въ этомъ языкѣ, вынесенномъ мною со школьной скамейки и развитымъ нѣсколько впоследствии трудами и чтеніемъ.

Какъ соквартирантомъ, я былъ очень доволенъ А—тнѣмъ. Цѣлые дни, исключая времени служебныхъ занятій, онъ проводилъ за книгами, безпрестанно роясь въ лексиконѣ Ольдекопа и доискиваясь собственными усилиями смысла въ прочитанномъ, прибѣгалъ къ помощи моей только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшительно не могъ добиться толку. Иногда, развернувъ предо мною книгу, онъ прямо переводилъ съ французскаго на русскій, приискавъ заранѣе въ лексиконѣ непонятныя для него слова.

Настойчивость его въ объясненіи значенія словъ, на основаніи производства отъ корня, приводила иногда къ смѣшнымъ результатамъ. Не могу забыть, какъ онъ, читая однажды въ исторіи Ляме-Флери разсказъ о Людовикѣ Святомъ; обратился ко мнѣ съ улыбкою.

— Что такое, Петръ Федоровичъ?

— Да вотъ, смотрите: ошибка, и тѣмъ болѣе непростительная, что помѣщена въ учебникѣ. Представьте: тутъ говорится, что Людовикъ Святой послѣ смерти разстрѣлянъ изъ пушки!... Во первыхъ, авторъ видимо смѣшалъ обстоятельства и помѣстилъ здѣсь разсказъ о развѣяннн праха нашего Лжедмитрія, а вторыхъ, и это главная ошибка: вѣдь тогда не знали ни пороха, ни пушекъ...

А—тнѣй слово *canonisé* (причтенный къ лику святыхъ) перевелъ: разстрѣлянъ изъ пушекъ!

Когда, успокоившись отъ невольнаго смѣха, я объяснилъ А—тному, какого онъ далъ маха, онъ страшно сконфузился и просилъ, ради святаго, не разсказывать про это никому, въ особенности же Патрину и Филонову, насмѣшекъ которыхъ онъ боялся, какъ огня.

А—тнѣй былъ добрый и тихій малый, но крайне несчастливъ по службѣ. Восемь лѣтъ сидѣлъ онъ въ одномъ чинѣ, что особенно огорчало его, потому что служба была для него единственнымъ средствомъ къ существованію, а съ чинами

увеличивалось жалованье. Это печальное обстоятельство имѣло на него такое вліяніе, что всякій разговоръ о чинахъ и производствѣ выводилъ его изъ себя. Онъ дѣлался придирчивъ, не-сносенъ и только дня черезъ три входилъ въ обычную колею.

Время шло лѣтомъ быстро. Скукъ мѣста не было. Каждый вечеръ я проводилъ то въ обществѣ *Грузинъ*, то между *Русскими*. Объясню значеніе этого названія двухъ партій, раздѣлявшихъ нѣкоторое время общество нашего полка.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ. Весь прежній составъ полка переимѣнился, да и не разъ. Даже изъ лицъ, про которыхъ мнѣ приходится говорить, скрывая фамиліи ихъ подъ псевдонимами, едва ли двое, трое, сколько я знаю, находятся еще на службѣ. Остальные пропали безслѣдно: частію убиты или умерли, частію живутъ на покоѣ гдѣ нибудь въ отдаленныхъ уголкахъ обширной Россіи. Притомъ, въ кратковременномъ разединеніи полка на двѣ партіи не было ничего противнаго законамъ чести, и славныя дѣла *Русскихъ* подъ Кутешами, Салтами, Гергебилемъ и въ Чечнѣ связали ихъ съ *Грузинами* въ неразрывное цѣлое...

Вотъ почему я не считаю нарушеніемъ скромности упомянуть объ этой особенноти, придававшей полку своеобразный характеръ.

До 1846 года драгунскій полкъ на Кавказѣ состоялъ изъ 6 дѣйствующихъ эскадроновъ и одного пѣшаго запаснаго; но, съ переселеніемъ полка изъ Грузіи въ Дагестанъ, гдѣ для него открывалось болѣе широкое поприще дѣйствія, признано было необходимымъ довести число дѣйствующихъ эскадроновъ до десяти, по образцу прочихъ драгунскихъ полковъ въ Россіи. Въ слѣдствіе такого распоряженія были составлены два дивизиона (4 и 5) изъ взводовъ 8 русскихъ полковъ и присоединились къ своему полку, на походѣ, въ Екатериноградѣ.

Какъ водится, офицеры полка дали прибывшимъ собратамъ обѣдъ, тѣ отвѣтили тѣмъ же; но слитіе общества въ одно не клеилось. Прибывшіе съ перваго же раза получили названіе *Русскихъ* и, въ свою очередь, назвали другихъ *Грузинами*, какъ переселившихся изъ Грузіи, гдѣ полкъ стоялъ болѣе со-рока лѣтъ. Несмотря на наружную вѣжливость, обѣ стороны не сближались между собою... Постараемся разсмотрѣть причины этого явленія.

Офицеры прежняго состава полка были большею частію народъ бывалый, закаленный въ бояхъ и сильный тѣмъ духомъ, который составляетъ особенность всѣхъ старыхъ кавказцевъ. Незнакомые съ тонкостями фронтовой службы, которыми отличались вновь прибывшіе, но гордые сознаниемъ собственнаго достоинства, они, къ удивленію своему, нашли, что и имъ, старымъ служакамъ, придется поучиться кое-чему отъ прибывшихъ, чтобы не дѣлать рѣзкой разницы во фронтѣ. Самолюбіе было задѣто.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не любоваться прибывшими дивизионами. Лошади, мастерски выѣзженные, держали вѣрный аллюръ, при *смирно* — стояли, какъ вкопаныя... Люди, выбранные изъ лучшихъ въ полкахъ, сидѣли однообразно, молодцами... Про офицеровъ нечего и говорить. Не было одного условія, въ боевой жизни главнаго: не было у солдатъ того спокойнаго, самоувѣреннаго взгляда, не было свободы и удала въ движеніяхъ, не было бойкой рѣчи, характеризующихъ кавказцевъ. Послѣдніе сидѣли на коняхъ хотя и крѣпко, но всякій молодецъ на свой образецъ, и посадкой своей приводили въ ужасъ новоприбывшихъ служаковъ, изъ которыхъ многіе состарѣлись въ убѣжденіи, что малѣйшее отклоненіе носка въ поле, или каблука отъ вертикальной линіи, соединяющей съ нимъ глазъ, чуть ли не грѣхъ смертный. Сухіе, мускулистые кони махали головами во фронтѣ, на аллюрахъ безпрестанно сбивались, а галопировали, какъ галопируютъ рѣзвые питомцы степей, не прошедшіе чрезъ хитрую школу извѣстнаго учителя лошадинаго рода — Боше.

Этого мало: живя до сихъ поръ при совершенно различныхъ условіяхъ, *Русскіе* имѣли свои особыя воспоминанія, особыя интересы отъ *Грузинъ*... Сойдясь виѣстѣ, первые, покачивая недоувѣрчиво головами, выслушивали полумифическіе рассказы о подвигахъ Нижегородцевъ, часто не клеившихся съ тѣми тактическими правилами, приложение которыхъ къ дѣлу они имѣли случай столько разъ наблюдать на блестящихъ маневрахъ, приводившихъ въ удивленіе даже иностранцевъ. Да и какъ они могли вѣрить, напримѣръ, хотъ тому, что при взятіи одного завала драгуны на коняхъ взлетѣли на гору и спѣшились уже чуть не на плечахъ непріятеля, тогда какъ на маневрахъ это сдѣлалось бы совершенно другимъ образомъ: спѣшились бы у подошвы горы, отвели бы коноводовъ назадъ, а спѣшанный взводъ, равняясь на середину, бѣглымъ шагомъ пошелъ бы на

приступъ. Невѣрующіе и не подозрѣвали, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ они сами такимъ отчаяннымъ способомъ овладѣютъ ауломъ, который защищалъ Шамиль!

Въ свою очередь, *Грузины* насмѣшливо улыбались при разсказѣ стараго капитана К о томъ, что уже десять лѣтъ, какъ на корпусныхъ смотрахъ его эскадронъ ставится въ приказахъ первымъ номеромъ по пригонкѣ сѣделъ, мундштуковъ и вальтраповъ.

Итакъ, за немногими исключениями, офицеры обѣихъ партій холодно смотрѣли другъ на друга... Первый шагъ къ сближенію сдѣланъ былъ послѣ кутешинскаго дѣла, когда прибывшіе драгуны, соревнуя въ славѣ со старыми Нижегородцами, явили чудеса храбрости.

Въ октябрѣ 1846 года, Шамиль, съ огромнымъ скопищемъ горцевъ, вторгся въ Акушу и Дагестанъ и занялъ нѣсколько ауловъ. Въ составъ собиравшагося противъ него отряда, вызваны были и драгуны. Полковникъ Круковский назначилъ 1 и 4 дивизіоны, подъ командою старшаго въ полку штабъ-офицера, подполковника. Это былъ крайне самолюбивый, неуживчивый человѣкъ, съ большими странностями. Переимѣнивъ за время службы своей нѣсколько гусарскихъ полковъ, онъ перешелъ въ бывшій Уфимскій казачій, но, не получивъ награды ни за хивинскую, ни за другія экспедиціи, поступилъ, въ надеждѣ отличиться, въ нижегородскіе драгуны. Здѣсь, съ перваго же дня прибытія въ полкъ, подполковникъ не сошелся съ новыми сослуживцами. Держа себя гордо въ отношеніи къ офицерамъ, онъ утомлялъ всѣхъ и каждаго разсказами о своихъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ подвигахъ въ хивинскихъ степяхъ, прибавляя, что одинъ разъ чуть не взялъ въ плѣнъ хана, въ другой едва не захватилъ каравана съ ханскими сокровищами...

Выше я упомянулъ, какъ быстро приготовились дивизіоны къ выступленію. Всѣ горячо спѣшили помѣряться со врагомъ, въ особенности *Русскіе*, надѣявшіеся отличиться въ глазахъ своихъ товарищей-соперниковъ. Общую радость возмущало лишь то, что командовать драгунами былъ назначенъ нелюбимый подполковникъ; но, какъ старшаго въ полку, обойти его безъ причины было бы несправедливо. Его странная, закутанная въ теплый плащъ фигура дисгармонировала съ лихимъ видомъ Нижегородцевъ. На привалѣ онъ надѣвалъ теплые, глубо-

кіе калоши, усаживался къ отдѣльному костру и при всякомъ случаѣ придирался къ офицерамъ. Задумывались драгуны надъ печальною развязкою, которая предстояла имъ, если бы пришлось дѣйствовать отдѣльно подъ командою такого начальника; по счастью, благодѣтельный случай устроилъ все къ лучшему.

Изложу возможно короче ту славную долю участія, которая пала на Нижегородцевъ при взятіи аула Кутеши.

14 октября весь отрядъ сосредоточился въ аулѣ Оглы, въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Ночью лазутчики дали знать, что Шамиль съ 7,000 горцевъ занялъ, находившіяся верстахъ въ десяти, аулъ Кутеши. Покровительствуемая густымъ туманомъ, войска наши двинулись къ этому аулу, имѣя въ авангардѣ драгунъ, шедшихъ крупной рысью. Подойдя къ аулу, въ ожиданіи далеко отставшей пѣхоты, подполковникъ командуетъ: *шагомъ, потомъ стой, къ пѣшему строю слѣзай*, и посылаетъ офицера сказать командиру 4-го дивизіона, чтобы онъ обошелъ аулъ съ противоположной стороны и сдѣлалъ то же самое. Произнесенная невнятно, команда была понята иначе... 1-й дивизіонъ взлетаетъ по скалистой горѣ въ ворота аула, опрокинувъ вышедшую на встрѣчу конницу, и спѣшивается. 4-й дивизіонъ сообразуется съ дѣйствіями 1-го, и въ четверть часа большая часть аула занята нашими... Подоспѣвшая пѣхота докончила дѣло, а драгуны, собравъ своихъ и выйдя изъ аула, блистательною атакою успѣли опрокинуть къ Ходжалъ-Махинскому ущелью Хаджи-Мурата, спѣшившаго на помощь съ 3,000-ю кавалеріею. Вся честь этого дѣла, безспорно, принадлежитъ драгунамъ. Интересно, что подполковникъ, грозившій въ началѣ дѣла отдать подъ судъ эскадронныхъ командировъ за неисполненіе его команды, приписалъ успѣхъ своимъ распоряженіямъ, утверждая, что онъ самъ повелъ драгунъ маршъ-маршемъ въ тѣсныя улицы аула...

Вечеромъ жженка голубоватымъ пламенемъ освѣтила офицерскій бивуакъ и положила начало сближенію партій.

Послѣ блестящей встрѣчи, при пальбѣ изъ орудій, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, командующимъ войсками княземъ Бебутовымъ, ожидавшими насъ у воротъ форштата съ двумя хорами пѣхотной музыки и со всемъ народонаселеніемъ, упоенные славою драгуны воротились въ Чиръ-Юртъ. Нѣтъ словъ рассказать, съ какою радостію встрѣтили ихъ товарищи!

Особенное вниманіе обратилъ на себя 4-й дивизіонъ. Нельзя было узнать людей. Откуда взялись смѣлый видъ, самоувѣ-

ренность, удалъ въ пѣсняхъ! Дѣло въ томъ, что они узнали себѣ цѣну.

Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ офицеры одинаково восторгались успѣхомъ своихъ товарищей.... Многіе завидовали счастливымъ, имѣвшимъ случай отличиться. Въ числѣ ихъ былъ Филоновъ, который и на этотъ разъ хлопоталъ о прикомандированіи, но получилъ отъ полковника тотъ же отвѣтъ: «нельзя, держу очередь офицерамъ и эскадронамъ!» Но онъ, что называется, отвелъ душу и нашелъ исходъ накипѣвшей на сердцѣ жолчи. Услыхавъ рассказы офицеровъ про подвиги подполковника, онъ написалъ на него стихи, начинающіеся такъ:

Упрочивъ славу Воронцова,
Кавказъ *едва* не покоря,
Чуть не отдавъ подъ-судъ Зубкова (*),
Сидѣлъ онъ у костра.

Оканчиваются стихи слѣдующими мечтаніями героя:

Мои дѣянья слишкомъ громки,
Чтобъ оцѣнили ихъ теперь:
Умолкнетъ зависть, — и потомки
Мнѣ славы въ храмъ отворятъ дверь!
Мою могилу увѣнчаютъ
И памятникъ воздвигнутъ мнѣ,
И съ Воронцовымъ прибываютъ
Портретъ мой рядомъ на стѣнѣ.
Пройдетъ сто лѣтъ — героемъ драмы,
Къъ Велисарій буду я.
Ее играютъ. Плачутъ дамы,
Вся публика поражена,
Въ восторгѣ хлопаютъ въ ладоши...
Но сыро здѣсь... Лукьянъ (**), калоши!

Стихи эти имѣли въ полку громадный успѣхъ. Ихъ тотчасъ же выучили наизусть, декламировали и пѣли, иногда даже въ присутствіи самого подполковника, который долго не могъ сообразить, что заключается въ нихъ — неловкая похвала или ѣдкая насмѣшка.

Еще болѣе сарказма заключали въ себѣ другіе стихи Филонова. Онъ коснулся въ нихъ духа раздора партій, раздѣлявшихъ полкъ, и осмѣялъ дуэли, начавшія у насъ входить въ моду.

(*) Одного изъ офицеровъ.

(**) Девъщякъ.

Слышали ль вы, что есть пустырь,
 Его Чирь-Юртомъ именуютъ,
 И въ немъ недавно монастырь
 Нижегородскій формируютъ.
 Въ немъ настоятель жизнью строгъ,
 Суровъ, какъ древнихъ Грековъ богъ.
 Межъ келій онъ уныло бродитъ,
 И грусть на братію наводитъ.
 Кто подойдетъ къ нему, что спроситъ,
 Онъ, въ землю устремивъ глаза,
 Едва лишь внятныя слова,
 Какъ бы молитву, прожзноситъ.
 Сказалъ — и въ келію свою
 Онъ путь смиренно направляетъ
 И только искоса взираетъ
 На буйную свою семью.
 За то монахи-забіяки
 За крестъ готовы хоть до драка...

Между прочимъ, авторъ говоритъ, что, бывъ свидѣтелемъ постоянныхъ распрей, оканчивавшихся часто коединками, онъ, опасаясь за собственную жизнь, долженъ былъ уѣхать въ Россію, прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, но, по совѣту медиковъ, будто бы снова пріѣхалъ на Кавказъ. Любопытство завлекло его въ Чирь-Юртъ, и что же онъ увидѣлъ? Чирь-Юртъ превратился въ обширное кладбище! Надписи на могильныхъ крестахъ свидѣтельствовали, что всѣ погибли на дуэляхъ....

Наступила глубокая осень, потомъ зима, т. е. постоянные дожди, рѣзкій вѣтеръ и слякоть. Въ долинѣ Сулака снѣгъ выпадаетъ рѣдко и держится лишь нѣсколько часовъ. Бываютъ исключенія, но рѣдко. Прогулки по лагерю стали неудобны. Появилась непріятная гостья — скука...

И вотъ однажды, когда мы собрались у Патрина, его посетила вдохновенная мысль устроить театръ. Предложеніе было принято съ восторгомъ. Въ тотъ же вечеръ были собраны всѣ наличныя изданія комедій и водевилей, нѣсколько нумеровъ «Пантеона и Репертуара», выбрали пьесы, раздѣлили между собою роли и начали совѣщаться о матеріальной сторонѣ предпріятія. Затрудненіе оказалось одно: въ лагерѣ не нашлось помѣщенія для театра. Единственное удобное строеніе были мастерскія казармы; но онѣ могли быть отстроены не ранѣе мѣсяца, а мы рѣшили сыграть первый спектакль чрезъ полторы недѣли. Нашли, однако, возможность помочь горю.

Въ верстѣ отъ нашего лагеря, у моста, близъ рѣки Сулакъ, была устроена небольшая крѣпость, постоянно занимаемая пѣхотнымъ гарнизономъ. Мы рѣшили просить баталіоннаго командира уступить намъ навремя какую нибудь казарму. Зная *баталіоннаго* за добраго, обязательнаго человѣка, благоговѣшаго предъ *кавалеріей*, въ согласіи его мы были увѣрены. Въ самомъ дѣлѣ, на другой же день Патринъ объявилъ, что дѣло устроено и что намъ отведено очень недурное помѣщеніе для нашей затѣи. Затѣмъ собрали съ участвующихъ въ спектаклѣ деньги на устройство сцены, занавѣса, декорацій и прочихъ потребностей и отправили въ Шуру кунака изъ Татаръ сосѣдняго аула за покупкою необходимыхъ матеріаловъ. Нарисовать занавѣсъ и декораціи и гримировать актеровъ взялся поручикъ Шанъ-Гирей и дѣло свое исполнилъ прекрасно. Оркестръ составили изъ аматеровъ, офицеровъ и юнкеровъ, и избранный капельмейстеръ, поручикъ Крупскій, очень удачно подобралъ музыку къ незнакомымъ куплетамъ. Что касается до распределенія ролей, то, за отказомъ двухъ наличныхъ полковыхъ дамъ участвовать въ спектакляхъ, пришлось отдать женскія роли юнкерамъ... Къ счастью, и это дѣло уладилось благополучно, и нѣкоторыя женскія роли выполнены были болѣе чѣмъ удовлетворительно.

Роли были выучены въ два дня и начались репетиціи. Такъ какъ театръ былъ устроенъ въ верстѣ отъ нашего лагеря, то на репетиціи мы ѣздили верхомъ и при оружіи... Не думаю, чтобы гдѣ нибудь составлялись репетиціи, на которыя артисты пріѣзжали бы вооруженными, не исключая и театра, устроеннаго Французами во время крымской кампаніи въ Камышѣ, потому что онъ находился среди своего лагеря, далеко отъ расположенія непріятельскихъ войскъ. Первая же репетиція показала, что роли были выучены твердо; но, по совершенной непривычкѣ къ сценѣ и незнанію сценическихъ пріемовъ нѣкоторыхъ изъ актеровъ, опытнѣйшимъ изъ насъ пришлось усердно заняться ими, чтобы не ударить лицомъ въ грязь при представленіи. Поэтому тутъ же положили каждую репетицію *играть* пьесы, а не ограничиваться чтеніемъ ролей. Послѣдствія подтвердили дѣйствительность этой мѣры.

Время шло быстро въ приготовленіяхъ къ спектаклю, и скоро занавѣсъ и кулисы были готовы... Сдѣлана была генеральная, окончательная репетиція, и, писанныя полковыми каллиграфами

изъ писарей, афиши возвѣстили, что 6 декабря, на чиръ-юртскомъ театрѣ, любителями представлены будутъ водевилы: «Булочная или петербургскій нѣмецъ» и «Покойная ночь».

Но я еще не говорилъ ничего о составѣ труппы.

Она состояла изъ Патрина, Филонова, меня и еще нѣсколькихъ офицеровъ и юнкеровъ. Желая выставить любимца своего Бачевского, Патринъ, выбранный нами въ режиссеры, назначилъ ему небольшую роль Машеньки въ водевилѣ «Булочная» и усердно занимался съ нимъ, приготовляя его къ сценѣ; но, какъ говорится, дѣло не выгорѣло... Правда, въ отношеніи наружности, Бачевскому, наряженному въ платье жены полковаго казначея, позавидовала бы не одна записная актриса, но безпамятность и отсутствіе всякой способности къ сценѣ заставили Патрина, на предпоследней репетиціи, замѣнить Витиньку другимъ, хотя не столь миловиднымъ, но болѣе способнымъ актеромъ.

Собираясь устроить театръ, Патринъ доложилъ о томъ полковому командиру, который охотно далъ на то свое согласіе и съ благодарностію принялъ приглашеніе на первое представленіе.

Наступило 6 декабря. Въ 6 часовъ по полудни мы были совершенно готовы. Стеариновыя свѣчи, воткнутыя въ штыки, обрамляли рампу сцены; другія, образуя канделябру о трехъ бра, украшали стѣну казармы, уставленной, за немѣнѣишемъ кресель и стульевъ, рядами скамеекъ для зрителей. Впрочемъ, было нѣсколько и кресель; но ихъ прислали съ деньщиками для себя полковникъ, одинъ майоръ и женатыя офицеры, хлопотавшіе о возможномъ комфортѣ для своихъ женъ. Публики собралось очень много. Были даже пріѣхавшіе нарочно изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, что особенно льстило самолюбію нашему и возбуждало желаніе отличиться передъ гостями. Первые ряды были заняты штабъ-офицерами, дамами и эскадронными командирами; на заднихъ скамейкахъ сидѣли младшіе офицеры и юнкера; въ глубинѣ казармы толпились унтеръ-офицеры, писаря, солдаты и виднѣлось нѣсколько женскихъ головокъ изъ слободки, въ кокетливо накинутыхъ платочкахъ. Въ шесть съ половиною часовъ оркестръ (двѣ скрипки, контрбасъ, двѣ флейты, кларнетъ, барабанъ) заигралъ полковой маршъ, исправлявшій на этотъ разъ должность увертюры. По окончаніи его, взвился занавѣсъ, на которомъ стараніями Шанъ-Гирея была изображена лира среди воинскихъ доспѣховъ, окруженная сіяніемъ. Началось представ-

леніе.... Оно удалось как нельзя болѣе, и артисты-любители вознаграждены были, за доставленное зрителямъ удовольствіе, такими аплодисментами, какіе врядъ ли выпадали на долю и знаменитѣйшимъ сценическимъ художникамъ. Кроиъ шутокъ: дежурный въ лагерѣ, по фасу къ сторонѣ моста чрезъ Сулакъ, былъ испуганъ отдаленнымъ шумомъ до такой степени, что считъ нужнымъ обратить на это обстоятельство вниманіе дежурнаго по цѣпи.... Можно представить себѣ, каковъ былъ шумъ на мѣстѣ, когда онъ былъ такъ ясно слышенъ въ лагерѣ! Въ особенности усердно хлопали задніе ряды. Когда же они увидѣли, что *самъ* полковникъ подалъ знакъ одобренія, то, руководствуясь военнымъ правиломъ: «рады стараться», просто выходили изъ себя, крича и топя изо всѣхъ силъ.

Въ этомъ спектаклѣ, какъ дѣйствующее лицо, Патринъ не участвовалъ. Ему и безъ того было пропасть дѣла по устройству театра и по обязанности режиссера. Однако, онъ успѣлъ скропать куплеты для водевиля «Покойная ночь», придавъ имъ колоритъ мѣстности. Именно онъ дополнялъ заключительный куплетъ, оканчивающійся припѣвомъ.

Покойной ночи, господа!

тремя строфами. Вотъ послѣдняя изъ нихъ:

Пускай Хаджи-Муратъ тревожить

Нашъ лагерь — это не бѣда:

Онъ намъ вредить никакъ не можетъ...

Покойной ночи, господа!

Подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія отравились гости и артисты домой въ лагерь. Ихъ поѣздъ представлялъ оживленную картину. Около сотни всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, окружили единственные въ Чирь-Юртѣ пролетки, въ которыхъ ѣхали полковныя дамы... Впереди скакали нѣсколько человекъ, въ родѣ авангарда; по правой рукѣ, къ сторонѣ нагорной цѣпи, гарповали патрульные юнкера... И все это весело болтало, шутило, смѣялось... Къ довершенію удовольствія, поѣздъ озарился блистательной иллюминаціей. Вспыхнули палы...

Во многихъ мѣстностяхъ на Кавказѣ есть обычай выжигать осенью оставшуюся на корнѣ сухую траву; образовавшаяся отъ этого пожара зола составляетъ отличное удобреніе для почвы, которая весной, съ возобновленною силою, производитъ нѣжную, сочную траву — превосходный корнъ для скота, въ особенности же для барановъ, мясо которыхъ на Кавказѣ имѣетъ пріят-

ный вкусъ, приводящій въ восторгъ даже записныхъ гастрономовъ, выросшихъ на произведеніяхъ французской кухни...

Такіе пожары зовутся палами.

Общее веселое настроеніе духа усилилось, когда Круковский, поблагодаривъ артистовъ за пріятную затѣю, тутъ же приказалъ командиру инвалидной роты, завѣдывавшему полковыми построиками въ слободкѣ, озаботиться скорѣйшимъ окончаніемъ мастерской казармы, которую и назначилъ мѣстомъ будущихъ представлений.

Вечеръ окончили мы за стаканомъ добраго *царскаго* (*), кахетинскаго, въ гостепріимной хатѣ Патрина. Мы занялись репертуаромъ слѣдующаго представленія, и тутъ насъ ожидалъ сюрпризъ...

Патринъ предложилъ разыграть комедію въ стихахъ, его сочиненія. Не понимаю, какъ онъ успѣлъ въ теченіе недѣли написать комедію: «Старый служака», стихами, и, притомъ, съ куплетами. Сколько помнится, это чуть ли не единственный примѣръ комедій въ стихахъ съ куплетами. Содержаніе ея очень просто. Отставной старый генералъ, екатерининскихъ временъ, привыкшій къ безответному повиновенію подчиненныхъ своихъ, съ удивленіемъ замѣчаетъ, что дочь его не хочетъ идти замужъ за избраннаго имъ жениха, его стариннаго сослуживца, полковника Палашина, а любитъ молодаго уланскаго офицера. Старикъ хочетъ непремѣнно поставить на своемъ; но самъ Палашинъ, признавъ въ соперникѣ сына нѣкогда любимой имъ дѣвушки, вышедшей по принужденію отца замужъ за другаго, уступаетъ невѣсту счастливому улану.

Недостатокъ дѣйствія искупали нѣкоторые удачные стихи, а главное—знакомая сфера, изъ которой взято содержаніе пьесы.

Ну, что жъ? Еще ты не рѣшилась?
 А сколько разъ я говорилъ,
 Чтобъ ты въ Палашина влюбилась?
 Такъ нѣтъ: Палашинъ, вишь, не милъ!
 А развѣ ты того не знаешь,
 Что ослушаніемъ своимъ
 Порядокъ службы нарушаешь?
 Какъ былъ я шефомъ полковымъ,

(*): Лучшіе сорта кахетинскаго: царское и чавчавадзевское.

Меня въ полку отцомъ считали
 (И точно, шефъ — отецъ полка),
 Меня любили, уважали;
 А тутъ — смотрите — старика
 Въ семьѣ и шефомъ не считаютъ!

Такъ говоритъ старикъ-отецъ дочери; но, не видя успѣха и приписывая все женскому капризу, продолжаетъ:

Съ женой, Матреной Алексѣвной,
 Покойной матерью твоей,
 Былъ церемоніяль плачевный,
 Хоть и безъ хора трубачей!
 Она разъ какъ-то раскричалась
 И раскапризилась со мной,
 Претензіи не показала,
 Грешить, какъ барабанный бой!
 Разбила зеркало безъ такту.
 Пришлось бы плохо старику,
 Но я отправилъ на гауптвахту
 Ее съ дежурнымъ по полку!

А вотъ обращеніе къ старому деньщику:

Смотри, *Ринальдъ* еще не поевъ:
 А знаешь ли, болванъ, оселъ,
 Ты *говоришь* съ нимъ не достоинъ!

.....
 Подъ Краснымъ былъ! Какой огонь!
 Подъ Лейпцигомъ! Не ты жь, скотина,
 А онъ все барина возилъ!
 Смотри жь ты, Филька, берегися!
 И если я тебя простилъ,
 То за *Ринальда* ты молися!

Было и еще много стиховъ, мѣтко рисующихъ быть в обы-
 чаяхъ поколѣнія старыхъ служакъ, которые на всѣхъ и на все
 смотрѣли сквозь призму военнаго устава. Интересъ комедіи
 увеличивался слухомъ, будто бы въ старикъ-отцѣ авторъ пред-
 ставилъ вѣрный портретъ своего отца, о крутомъ характерѣ
 котораго я упомянулъ выше.

16 декабря разыграна была эта комедія, во вновь отведенной
 казармѣ, вмѣстѣ съ водевилемъ «Титулярные совѣтники въ до-
 машнемъ быту». Новое помѣщеніе оказалось лучше и удобнѣе
 прежняго, хотя и встрѣтилось небольшое неудобство. Несмотря
 на то, что сцена была на аршинъ выше уровня партера,
 оркестръ загораживалъ собою зрителей. Но мы недолго лома-

ли голову надъ этой бѣдой: вырыли передъ сценой ровъ въ аршинъ глубины и два съ половиной ширины и посадили туда нашихъ аматоровъ-музыкантовъ.

Комедія Патрина прошла прекрасно. Онъ самъ занималъ роль старика и, несмотря на свою разсѣянность (за которую мы сильно побавлялись), исполнилъ ее безукоризненно. Была, впрочемъ, минута, когда онъ чуть-чуть не вышелъ изъ роли; но все кончилось благополучно.

Вотъ что случилось. Роль Фильки, стараго деньщика, была назначена десятивершковому юнкеру изъ остзейскихъ нѣмцевъ. Мы всѣ его звали Максомъ. Такъ какъ роль эта состояла только изъ трехъ словъ: «вѣдь я одинъ», которыми онъ долженъ отвѣчать старику-барину на выговоръ за лѣнь и медленность, то никому не приходило въ голову, чтобы можно было тутъ спутаться. Случилось напротивъ. Максъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Замѣчу кстати, что, послѣ подобныхъ поѣздокъ, въ записной расходной книгѣ акуратнаго нѣмца являлась отмѣтка: unbepannte Ausgabe—2 rb. (т. е. неименованный расходъ—2 рубля). На репетиціяхъ онъ не участвовалъ и возвратился уже въ день спектакля. Его тотчасъ же заставили затвердить роль, сказали предыдущую реплику и были совершенно спокойны. Представьте же себѣ ужасъ Патрина, когда на обращенную къ Филькѣ рѣчь онъ не слышитъ отвѣта, который по ходу пьесы долженъ вызвать еще болѣе рѣзкій выговоръ... Суфлеръ кричитъ: «вѣдь я одинъ», другіе актеры изъ-за кулисъ подсказываютъ то же самое; но напрасно... Максъ растерялся, смутно оглядывается кругомъ, видитъ передъ собою взбѣшенное лицо Патрина, а изъ-за кулисъ угрожающіе жесты товарищей, и молчитъ. Наконецъ, онъ ловитъ мысль отвѣта, произноситъ: *вѣдь никого, кромѣ меня, нѣтъ*, что вовсе не подходитъ къ размѣру стиха въ комедіи, и быстро убѣгаетъ со сцены, оставляя Патрина договаривать роль свою двери, въ которую тотъ убѣжалъ!...

Но, тѣмъ не менѣе, пьеса имѣла полный успѣхъ, къ совершенному торжеству Патрина. «Титулярные совѣтники» тоже прошли удачно. Въ роли горничной я возбуждалъ неудержимый смѣхъ въ зрителяхъ и вызвалъ его даже въ полковникъ Круковскомъ, котораго никто ни прежде, ни послѣ не видѣлъ смѣющимся. Это обстоятельство, какъ увидите, имѣло для меня пріятныя послѣдствія.

Желая ознаменовать успѣхъ своего произведенія, Патринъ, въ складчинѣ съ артистами и оркестромъ, устроилъ угощеніе для публики... По окончаніи послѣдней пьесы, свѣчи на авансценѣ были погашены, занавѣсъ взвился снова, и зрителямъ предстали артисты со стаканами шампанскаго на подносахъ, освѣщенные голубымъ пламенемъ жженки, горѣвшей по сторонамъ сцены въ большихъ кухонныхъ кострюляхъ... Стаканы были разнесены гостямъ, начиная съ Круковскаго... Явилось еще нѣсколько бутылокъ, добрались и до жженки, затушенной редереромъ...

Пробывъ съ нами до перваго часа, полковникъ ушелъ домой, пригласивъ всѣхъ участвовавшихъ въ спектаклѣ отобѣдать у него на другой день. Послѣ него долго еще расходилась веселая компанія... Я возвратился домой въ четвертомъ часу утра.

По утру разбудилъ меня раздававшійся надо мною голосъ:
— Вставайте, да вставайте же! Слышите ли, всѣ давно готовы! Ну, достанется же вамъ отъ полковника!

Я съ трудомъ раскрылъ глаза и приподнялся на кровати.

Передо мной стоитъ капитанъ К. въ походной формѣ — знакъ дежурства по полку.

— Да одѣвайтесь же поскорѣе!

Я надѣлъ шаровары и взялся за шинель.

— Господи! Да что съ вами? Развѣ не знаете, что смотръ назначенъ въ полной парадной формѣ?

— Какой смотръ? Что такое?

Я совершенно растерялся.

Оказалось, что полковникъ дѣлаетъ смотръ юнкерамъ въ восемь часовъ утра... Не зналъ же я этого вотъ по какой причинѣ.

Всѣ распоряженія по полку отдаются въ «приказѣ», который выписываютъ въ канцеляріи эскадронные писаря и передаютъ вахмистру, а вахмистръ чрезъ ефрейторовъ отсылаетъ его для прочтенія своимъ офицерамъ и юнкерамъ. По заведенному такому образомъ порядку, мой ефрейторъ заносилъ наканунѣ вечеромъ приказъ по полку и даже объявилъ содержаніе его деньщику А—тнаго, такъ какъ меня не было дома, но тотъ, забывъ, не разбудилъ меня вовремя.

Но, какъ бы тамъ ни было, я виноватъ, в бѣды не виновать...

Одѣвшись, какъ могъ поспѣшнѣе, я взялъ ружье и пошелъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по полку на плацъ. Но смотръ ужь кончился, и юнкера расходились по квартирамъ. Приходилось идти къ Круковскому.

Когда я входилъ къ нему въ комнату, онъ стоялъ спиной къ окну. Поклонившись вошедшему со мною капитану К., онъ тотчасъ же отпустилъ его и, положивъ на окно фуражку, которую держалъ въ рукѣ, медленно подошелъ ко мнѣ, пристально глядя мнѣ въ глаза...

Досада, неизвѣстность мѣры взысканія, но взысканія неизбежнаго, бросали меня въ лихорадку.

— Слушайте, юнкерь, сказалъ полковникъ:—не хочу знать причинъ, почему вы не явились на смотръ, но что онѣ были—это вѣрно. Намѣреннаго ослушанія допустить въ васъ я не могу, да и не хочу. Но взыскать съ васъ я долженъ. Ступайте къ зеленому ящику и явитесь караульному офицеру.

Это значило отправляться на гауптвахту, возлѣ которой стоялъ казенный полковой зеленый ящикъ.

Дѣлать нечего: я отправился на гауптвахту, явился караульному офицеру и, скучный, усѣлся въ уголокъ комнаты, проклятая случай, приведшій меня сюда именно въ тотъ день, когда я приглашенъ былъ обѣдать къ Круковскому. Время шло убійственно долго... Не зная, какъ сократить его, въ часть по полудни я уже посылалъ вѣстоваго къ себѣ на квартиру за обѣдомъ, хотя обыкновенно обѣдалъ въ два часа, какъ вдругъ вошелъ на гауптвахту деньщикъ полковника, неся что-то въ корзинѣ... Онъ вынулъ изъ нея два прибора, салфетки, наставленные одну на другую миски съ кушаньемъ, и поставилъ на столъ.

— Что это? кому?

— Вамъ, сударь, прислали полковникъ, да г. караульному сказалъ деньщикъ:—а чтобы вы въ этомъ распрѣятномъ мѣстѣ не соскучились, прибавилъ онъ, доставая что-то изъ кармановъ своихъ широкихъ шароваръ: — то они приказали принести вамъ этого...

На столѣ стояли двѣ бутылки: царскаго кахетинскаго и шампанскаго!

Грустное настроеніе духа исчезло мигомъ. Я убѣдился, что Круковский на меня не сердится, и въ веселой бесѣдѣ съ караульнымъ провелъ этотъ памятный для меня день.

Вставая рано на другой день, я прозябъ и, чтобъ согрѣться, надѣлъ, принесенный съ вечера, мой ергакъ, т. е. каргизскій тулупъ изъ жеребенка, шерстью вверхъ.

Вдругъ раздается крикъ часоваго: «караулъ—вонъ!» Я взглянулъ въ окно: мимо идетъ полковникъ. Солдаты отдали ему честь. Онъ велѣлъ распустить караулъ, но, вмѣсто того, чтобы, какъ обыкновенно, пройти мимо, зашелъ на гауптвахту. Опять несчастье! Очки я успѣлъ снять, но не успѣлъ снять ергака, какъ Круковский стоялъ уже предо мною.

— Это что за мѣдведенокъ? сказалъ онъ.

— Я озябъ, г. полковникъ! пробормоталъ я.

И, дѣйствительно, можно было этому повѣрить: я поблѣднѣлъ и трясся, какъ осиновый листъ. Воспользовавшись, однако, выходомъ Круковского въ сосѣдную швальню, я мигомъ скинулъ съ себя ергакъ и надѣлъ шинель.

— Вотъ такъ-то лучше! сказалъ онъ, входя опять въ комнату.—Слушайте: я освобождаю васъ изъ-подъ ареста и надѣюсь, что впередъ вы будете исправнѣе. А въ благодарность за доставленное вами вчера мнѣ и всему нашему обществу удовольствіе разрѣшаю вамъ носить очки, — разумѣется, исключая того случая, когда пріѣдетъ къ намъ въ Чирь-Юртъ ктонибудь старше меня чиномъ.

И онъ ушелъ, не слушая безсвязныхъ выраженій моей благодарности.

— Капитанъ приказали вамъ, сударь, ѣхать въ разъѣздъ со второю смѣною, сказалъ, входя ко мнѣ въ комнату, ефрейторъ въ день дежурства нашего эскадрона.

— Ладно! Скажи только вахмистру, чтобы со мною назначилъ онъ, какъ и всегда, людей изъ нашего взвода.

— Слушаю-съ! Позвольте ужъ и мнѣ съ вами.

— А что?

— Да вотъ наши изъ дѣса воротились... Говорятъ, что мирныхъ видѣли, да далеко — догнать нельзя было. Чтoby чего — гляди — ночью не было... А то скука беретъ. Въ походъ съ нашими сходить не удалось: въ лазаретѣ лежалъ, а товарищи-то Егорьевъ нахватали. Хочется и мнѣ помѣряться съ бритоголовыми.

— Хорошо! скажи, чтобы тебя назначили въ разъѣздъ.

Хотя нельзя было положительно думать, что намъ предсто-

нѣ встрѣтятся съ хищниками, однако я тщательно обыкно-веннаго осмотрѣлъ мой пистолеть, переиѣнилъ порохъ на полкѣ и даже не застегнулъ пуговицы на чухкѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, нѣтъ пистолеть подѣ рукой.

Наступилъ вечеръ... Вѣдившій съ первую сѣбною юнкеръ возвратился и отпрапортовалъ уже эскадронному командиру, что «разѣздъ возвратился благополучно, новаго ничего нѣтъ, не-пріятеля не замѣчено».

Было в 12 часовъ. Я отправился ко взводу, повѣрилъ лю-дей, назначенныхъ со мною въ разѣздъ, и, соблюдая возмож-ную тишину, выѣхалъ съ разѣздомъ за рогатку въ поле...

Густыя тучи покрывали небо. Темно, такъ темно, что не видать дороги подѣ ногами лошадей... Да не зачѣмъ и видѣть ее. Мѣстность знакома, какъ нашъ полковой плацъ. Вправо тянется ровная степь къ Каспійскому морю, прямо пролегаетъ дорога въ Кази-Юртъ. Нѣсколько лѣвѣе, верстахъ въ двухъ отъ лагеря, Султанъ-юртское укрѣпленіе, куда и нужно заѣхать, чтобъ расписаться въ книгѣ мѣстнаго воинскаго начальника о времени прибытія разѣзда и освѣдомиться о благосостояніи нашего коннаго лазарета. Крутой обрывъ къ Сулаку, шумъ котораго раздается то громче, то тише, по мѣрѣ приближенія нашего къ рѣкѣ... И только Сулакъ шумитъ: нѣтъ другаго звука въ степи... Остановишь разѣздъ, прислушаешься... ничего!... и ѣдешь дальше.

Но вотъ раздался впереди конскій топотъ... Слышно ржаніе, на которое откликнулся и мой Горюнъ, наказанный тотчасъ же за неумѣстную любезность добрымъ пугомъ и шпорами... Я беру за пистолеть... Шагахъ въ десяти впереди что-то забѣ-лѣло, и къ намъ пристроился бѣлый конь безъ всадника... Что за исторія? Унтеръ-офицеръ, ѣхавшій со мною за младшаго, слѣзъ съ коня, осмотрѣлъ пристроившуюся къ намъ лошадь и узналъ въ ней Бракира, на которомъ поутру посланъ былъ ба-рабанщикъ Юрченко съ бумагами къ ветеринару, въ конный ла-заретъ... Нѣтъ сомнѣнія, что, возвращаясь, онъ убитъ горцами... Итакъ намъ предстоитъ встрѣтиться съ непріателемъ!...

Я отправилъ назадъ въ лагерь барабанщицю лошадь съ дра-гуномъ, которому приказалъ увѣдомить о случившемся эска-дроннаго командира и дежурнаго по полку, для принятія нуж-ныхъ мѣръ, а самъ сказалъ мнѣ драгунамъ, нисколько, впро-чемъ, въ томъ не нуждавшимся, краткую поощрительную рѣчь,

убѣждала ихъ слушать моеи команды и по ней сѣло кинуться на врага, который не могъ быть многочисленъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ прорваться большои партіи незамѣтно было нельзя. Какъ ни серьезны были обстоятельства, въ которыхъ я тогда находился, мнѣ пришелъ на память Патринъ, нѣзвѣстнй также обыкновеніе говорить рѣчи къ солдатамъ, и несколько припомнились стихи на него Филонова:

Въ пылу ужасной сѣчи,
Подъ выстрѣломъ картечи,
Читаеъ Патринъ рѣчи
— Удивительныя!

Оправившись и велѣвъ драгунамъ осмотрѣть оружіе, я двинулся впередъ.

Вдругъ недалеко впереди насъ сверкнулъ огонекъ...

— Что это, ребята? какъ вы думаете? спросилъ я шопотомъ драгунъ.

— Что? извѣстно — осѣчка ружья! Чересъ!

Въ темнотѣ образовалось черное пятно, двигавшееся на насъ... По ширинѣ пространства, имъ занимаемаго, можно было заключить, что хищниковъ не болѣе двухъ, трехъ человекъ.

Я вынулъ изъ чухи пистолеть, взвелъ курокъ, scomандовалъ: «пашки вонъ! справа и слѣва заѣзжай!» и кинулся впередъ...

— Киндеръ-сызъ? Кто вы? закричалъ я, приставляя пистолеть къ груди одного всадника...

Къ другому подскакалъ унтеръ-офицеръ. Драгуны окружали насъ тѣснымъ кругомъ.

— Свои, свои! отвѣтилъ мнѣ знакомый голосъ нашего полковаго квартирнистра.

Онъ ѣздилъ навѣщать свою больную жену, жившую, за недостаткомъ помѣщенія, въ Султанъ-юртскомъ укрѣпленіи. Огонекъ, замѣченный нами, имѣлъ неосторожность высѣкать ѣхавшій съ нимъ вѣстовой.

Я передалъ квартирнистру слухи о хищникахъ; они оказались ложными...

Мнѣ не вѣрилось.

— Помилуйте, Федоръ Ивановичъ, сказалъ я. А куда же дѣвался Юрченко? Его лошади приближалась къ намъ безъ сѣдока...

— Юрченку, мертвецим пьянаго, уложили спать подъ нарами

коновалы... Выбъжая изъ лазарета, онъ свалился съ лошади. Вотъ почему она прибъжала къ вамъ безъ сѣдока.... Прощайте!

И квартирмейстеръ поѣхалъ въ лагерь.

На другой день весь полкъ зналъ о происшествіи, и долго послѣ того офицеры трунили надо мной, надоѣдая просьбами рассказать имъ о томъ, какъ взялъ я въ плѣнъ Федора Ивановича.

Если вамъ, читатель, угодно знать дальнѣйшую судьбу болѣе замѣчательныхъ въ очеркахъ моихъ лицъ, то я могу добавить вамъ, что Патринъ, отличившійся въ минувшую войну, командуетъ теперь кавалерійскимъ полкомъ и смотритъ въ генералы. Онъ женатъ на сестрѣ Бачевского, убитаго подъ Башь-Кадыкъ-Ларомъ. Филоновъ сошелъ съ ума и кончилъ жизнь самоубійствомъ: онъ повѣсился въ саду, въ своей деревнѣ. А бывшую мадмоазель Равскую вы можете видѣть въ Москвѣ, въ представленіе итальянской оперы. У ней абонирована ложа. Старичокъ-генералъ, постоянно ее сопровождающій, ея мужъ. Онъ служитъ въ томъ почтенномъ учрежденіи, гдѣ успокоивается много подобныхъ старичковъ-генераловъ!

ВЛАД. ВАЧЕНОВСКІЙ.

Августъ 1862 г.